

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В КОММЕРЧЕСКИХ И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ЭВОЛЮЦИЯ, СУЩНОСТЬ И ОБОСНОВАНИЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-105-113>

Статья посвящена эволюции отечественного уголовного законодательства в части криминализации деяний, совершаемых сотрудниками коммерческих и иных организаций. Особое внимание уделяется управленческому персоналу данных учреждений, поскольку, не участвуя напрямую в государственном управлении, многие из них, злоупотребляя присущими им определенными управленческими полномочиями, способны причинить серьезный ущерб правам и законным интересам граждан, интересам организаций, в которых они работают, или других организаций, а также общественным и государственным интересам. Автор отмечает, что проблема должностных злоупотреблений в частном секторе далеко не нова и ретроспективный анализ накопленного опыта борьбы с этим явлением представляется весьма перспективным. Методологическую базу исследования составляет системный подход, а также диалектический, исторический, логический, конкретно-социологический, статистический и сравнительно-правовой методы познания. Целью настоящего исследования является анализ развития норм отечественного уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях в контексте раскрытия сущности данных преступлений. Выводы и умозаключения, к которым пришел автор в результате ретроспективного анализа норм отечественного уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях, позволяют утверждать, что составы рассматриваемых преступлений сформировались на рубеже XIX–XX вв. вполне естественным образом, а не были введены в уголовный закон искусственно. В условиях отмирания прежнего экономического уклада и интенсивного формирования новой экономической реальности именно уголовное законодательство призвано было сыграть ключевую роль в стабилизации экономических отношений. Материалы статьи могут быть использованы для научного обоснования совершенствования правового регулирования службы в коммерческих и иных организациях, в учебной деятельности юридических вузов и факультетов при преподавании курса уголовного права, а также в процессе повышения правовой грамотности населения.

**АКИМОВА
Валентина Викторовна**

младший научный сотрудник
Центра научных исследований
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)

AkimovaVV@mail.ru

**Коммерческие организации;
менеджмент;
юридические лица;
злоупотребления;
законодательство;
уголовная ответственность;
преступления против
интересов службы**

Valentina V. AKIMOVA

Junior Researcher, Center for
Scientific Research, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

AkimovaVV@mail.ru

**CRIMES AGAINST THE INTERESTS OF SERVICE
IN COMMERCIAL AND OTHER ORGANIZATIONS:
EVOLUTION, ESSENCE AND JUSTIFICATION
OF THE REGULATION**

The article is devoted to evolution of the domestic criminal legislation regarding criminalization of the acts made by the staff of commercial and other organizations. Special attention is paid to administrative staff of these institutions, because without any direct participating in state administration, many

**Commercial organizations;
management;
legal entities;
abuses;
legislation;
criminal liability;
crimes against the interests
of service**

of them, abusing certain administrative powers inherent in them, are capable to cause serious damage to the rights and legitimate interests of citizens, to the interests of the organizations in which they work, or other organizations and also to public and state interests. The author notes that the problem of official abuses in the private sector is not new and the retrospective analysis of the accumulated experience of fight against this phenomenon is submitted very perspective. The methodological base of the research is made by system approach and also dialectic, historical, logical, specifically-sociological, statistical and comparative and legal methods of knowledge. The purpose of the research is the analysis of development of standards of the domestic criminal legislation in the sphere of counteraction to crimes against the interests of service in commercial and other organizations in the context of disclosure of essence of these crimes is. The conclusions and inferences to which the author by the retrospective analyzing of standards of the domestic criminal legislation in the sphere of counteraction to crimes against the interests of service in commercial and other organizations came allow to claim that structures of the considered crimes were created at a turn of the 19th–20th centuries quite naturally, but were not entered into the criminal law artificially. In the conditions of dying off of former economic way and intensive formation of new economic reality exactly the criminal legislation was designed to play a main role in the process of stabilization of the economic relations. The materials of the article can be used for scientific justification of improvement of legal regulation of service in commercial and other organizations, in educational activity of legal higher education institutions and faculties when teaching a course of criminal law and also in the course of increase in legal literacy of the population.

Как отмечалось в юридической литературе еще в начале прошлого века, человек в силу объективных экономических обстоятельств вынужден вверять собственные имущественные интересы разного рода непубличным учреждениям, влияние которых на жизнедеятельность общества оказывается не меньшим, чем воздействие органов общественного и государственного управления [1, с. 52]. Не будет преувеличением сказать, что современное экономическое развитие России не просто тесно связано, а практически полностью обусловлено деятельностью коммерческих и иных (некоммерческих) организаций. Так, по состоянию на 1 января 2020 г. из 3 715 287 российских юридических лиц большую часть составляют коммерческие организации – 3 097 736 (некоммерческих организаций – 617 551) [2]. Устойчивую тенденцию неуклонного роста данных субъектов экономической деятельности не смогло остановить даже снижение экономической активности, связанное с распространением коронавируса. Так, в мае 2020 года количество вновь созданных коммерческих организаций в России выросло по сравнению с апрелем на 15% [3].

Учитывая, что активное участие коммерческих и иных организаций не только стимулирует экономику (поступление инвестиций, налоговых отчислений и пр.), но и может оказывать крайне неблагоприятное воздействие на все сферы жизнедеятельности социу-

ма в целом (при злоупотреблении своим положением топ менеджмента данных организаций), государство вводит специальные механизмы правового регулирования, в которых далеко не последнее место отводится мерам уголовно-правового воздействия.

Проблема противозаконного использования своих прав в частном секторе безусловно не нова, однако вопрос о сущности преступлений, совершаемых сотрудниками коммерческих и иных организаций и их месте в системе уголовного законодательства, по-прежнему в отечественной уголовно-правовой науке относится к числу дискуссионных. Учитывая, что важной чертой развития любого исторического процесса, в том числе, становления институтов права, является преемственность, обусловленная непрерывностью формирования государства и права, полагаем целесообразным при ответе на данный вопрос проведение ретроспективного анализа отечественного уголовного законодательства в части криминализации деяний служащих коммерческих и иных организаций. Данный подход, помимо всего прочего, дает возможность использовать некоторые идеи, могущие оказаться весьма продуктивными и в современных условиях.

В специальной литературе отмечается, что некое подобие коммерческих организаций впервые появилось в России уже в XIV в., однако вопрос об уголовно-правовом воздействии на злоупотребления в дан-

ной области не стоял на повестке дня вплоть до XIX в. Данный факт во многом объясняется тем, что российское предпринимательство традиционно формировалось в относительно простых вариантах, зачастую основанных на семейных, дружественных отношениях, не предполагавших жесткой государственной регламентации [4, с. 34; 5, с. 123].

Только по мере развития буржуазных отношений, во многом под влиянием европейского права были сформированы институционные принципы отечественного предпринимательства и отношения в этой области обрели уголовно-правовую защиту. Данный период характеризуется бурным развитием экономической деятельности и связанным с этим процессом усложнения форм ее осуществления. Появились коммерческие организации в промышленности, в кредитной сфере, страховые и торговые организации. Иные (некоммерческие) организации были представлены органами нотариата, различными обществами и союзами, удовлетворявшими потребности населения в образовании, научной деятельности, художественном творчестве, здравоохранении, социальной защите и пр. [6, с. 15]. Заработали биржи ценных бумаг, формируется финансовый капитал. Складывается ситуация, при которой функции инвестора и менеджера стали разделены как никогда ранее. Участники таких предприятий, будучи собственниками акций, не могли осуществлять непосредственное управление акционерной организацией. Развитие производства, торговли, а вследствие этого, постоянный рост штата частных предприятий, предопределили необходимость организации процесса управления ими посредством привлечения профессиональных управленцев.

Принятое в 1836 г. Положение о компаниях на акциях нормализовало деятельность акционерных обществ во внешнем обороте, защитив тем самым потенциальных и реальных держателей акций. Но они не были защищены от злоупотреблений внутри общества со стороны лиц, которым было доверено управление организацией. Возникающие на этой почве массовые злоупотребления и спекуляции гражданским правом практически не предупреждались. По мнению виднейшего русского ученого, обер-прокурора Правительствующего Сената Н. А. Неклюдова, «гражданские законы о товариществах и компаниях не только отдают общество в дискреционное распоряжение: сначала – их учредителей и основателей, расхищающих компанейский капитал прежде, нежели даже компания успела образоваться, а затем – выборных правлений, которые, прикрываясь большинством ими же подобранных акционеров, растрачивают то, что не успели себе присвоить учредители» [7, с. 717]. По мнению профессора С. Н. Трегубова, в образовавшейся ситуации именно уголовное

законодательство должно было сыграть ключевую роль в стабилизации кредитного рынка и промышленности: «С повсеместным развитием акционерных предприятий получила особо важное значение и борьба с злоупотреблениями в этих предприятиях путем уголовной репрессии. По своему существу успех акционерных предприятий в значительной степени зиждется на общественном доверии к заведующим и распоряжающимся делами предприятия. Поэтому, всякие злоупотребления, не только влекущие за собой упадок и разорение акционерных обществ, но даже создающие опасность таковых имеют громадное значение, как для массы непосредственно потерпевших, так и вообще для состояния кредитного рынка и промышленности» [8, с. 276].

Таким образом, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. было дополнено нормами, предусматривающими ответственность за злоупотребления, допускаемые служащими коммерческих и иных организаций. Статья 1199 предусматривала уголовную ответственность членов «основанных с дозволения правительства обществ, товариществ, или компаний» за сокрытие вверенных им документов или имущества либо присвоение и растрату последнего. Подлежали наказанию биржевые маклеры, утратившие вверенные им торгующими деньги и векселя и не возместившие причиненный вред (ст. 1319); биржевые нотариусы, допустившие упущения и злоупотребления по должности (ст. 1324), а также сотрудники общественных и частных банков за подлоги и обман в отношении вверенного им имущества, принятие незаконных подарков, взятки и вымогательство, которые, что примечательно, в части ответственности приравнивались к чиновникам и государственным должностным лицам кредитных учреждений, т.е. правила привлечения к ответственности тех и других были идентичны (ст. 1154) [9].

Уложение 1845 г. положило начало оформлению преступлений по службе в специальной главе (разделе) уголовного закона как отдельной группы преступлений, а остро стоявшая на тот момент задача стабилизации промышленности и кредитного рынка была своевременно решена. Полагаем, что, несмотря на очевидное несовершенство рассматриваемого нормативного акта, ряд идей, в частности, относительно служащих коммерческих и иных организаций, представляются достаточно плодотворными, даже с позиции современного уголовного законодательства. Заслуживает одобрения четкое определение круга потерпевших от злоупотреблений, а также подход относительно имущественного характера наносимого ущерба. Действующий УК РФ, напротив, наделяет управляющего чужим имуществом не свойственными ему функциями, существенно расширяя его обязанности, устанавливая необходимость действовать

еще и в интересах общества, а не ограничиваясь потребностями доверителя, поскольку предполагается, что вред (в том числе неимущественный) может быть причинен еще и иным лицам, а также обществу и государству, что, на наш взгляд, выходит за рамки его правового статуса, как лица, осуществляющего управленческую деятельность в частном секторе.

Заложенные Уложением 1845 г. основные идеи получили дальнейшее развитие в Уголовном уложении 1903 г. Уголовная ответственность сотрудников коммерческих структур в новом Уложении предусматривалась за достаточно широкий круг преступных посягательств. Субъектами ответственности признавались хозяева заводов, фабрик, ремесленных или торговых заведений или заведующие ими, виновные в нарушении экологических правил (ст. 311); учредители торговых или промышленных обществ или товариществ, виновные в неведении учета акций и паев (ст. 326); заведующие или распоряджающиеся делами, виновные в совершении недозволенных операций (ст. 330); заведующие или распоряджающиеся делами, виновные в легкомысленном ведении дел, приведшем к несостоятельности (ст. 604) [10].

Закон впервые «устанавливал» новое для российского права обобщенное понятие «злоупотребление доверием». В Объяснениях к проекту Уложения отмечалось, что «...При установлении его необходимо иметь в виду, что ограждением имущества в смысле физической вещи, которую имеют в виду постановления повреждению имущества, о присвоении и похищении его, не исчерпывается еще задача об ограждении имущественной сферы граждан. Последняя может быть предметом посягательства не только в лице конкретных физических вещей, но также в лице совокупности вещей, обнимаемых каким-либо правом или обязательством по имуществу, не успевших еще воплотиться в конкретных вещах. Преступное нарушение таких прав и обязанностей составляет такое же, а иногда и более глубокое вторжение в чужую имущественную сферу, как и посягательства против вещей *in corpore*» [11, с. 229].

Законодатель вполне осознавал, что по степени общественной опасности «имущественные» преступления в многосложном коммерческом обороте не только не уступают обычным посягательствам против собственности. Исходя из этого, за «употребление» своего служебного положения заведомо во вред вверенному ему по службе имуществу или имущественному интересу служащий либо состоящий на службе в благотворительных или кредитных организациях, обществ взаимного страхования, товариществ на паях или акционерного общества в соответствие со ст. 578 Уложения 1903 г. подлежал уголовной ответственности с отбыванием наказания в «исправительном доме». В ситуациях причинения значительного вреда предусматривалась каторга до восьми лет [10].

Обращает на себя внимание значительная схожесть данного запрета с ныне действующей ст. 201 УК РФ, по сути, отличающейся от последней лишь тем, что содержит в себе далеко не исчерпывающий перечень юридических лиц, известных на тот период времени.

Примечательно, что подход к привлечению чиновников государственных и негосударственных учреждений к ответственности за злоупотребления по службе сохранился: как и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., они привлекались на равных основаниях, а термин «служащий», использовавшийся законодателем для обозначения субъекта обозначенного состава, толковался достаточно широко. Согласно официальным пояснениям, таковым признавался представитель государственной или общественной власти, а также лицо, занимающее должность или исполняющее временное поручение по службе. Комментируя такую постановку вопроса, И. И. Аносов пояснял, что в качестве субъектов деяния, предусмотренного ст. 578 Уложения 1903 г. следует понимать, как лиц, состоящих на государственной, так и на общественной службе (например, в сословных, городских, земских, волостных учреждениях и т.п.). Сходным образом определяли признаки субъекта этого преступления и др. правоведы, относя сюда также уполномоченных ярмарочного купечества, служащих частных банков, вольнопрактикующих нотариусов, врачей, артельщиков и ряд других категорий работников [12, с. 203]. При определении наличия служебного преступления они предлагали «руководствоваться соображением не о свойстве виновных лиц, а о свойстве самого действия, причем лица, занимающие должности по найму, как относительно ответственности, так и самого порядка предания суду должны быть сравнены с определенными на службу от правительства, ибо в противном случае первые, имея фактическую возможность совершать преступления, предусмотренные уголовным законом, избавлены были бы от наказания тем законом установленным» [13, с. 39].

Данный факт наглядно демонстрирует, что на рубеже XIX–XX вв. в России существовало понимание того, что интересы управления в коммерческих и иных (негосударственных) организациях не являются исключительной сферой действия частного права и, независимо от того, является ли служба государственной или коммерческой, нарушение «служебного долга» должно расцениваться как уголовно-значимое нарушение правоохраняемого интереса – преступление.

К сожалению, качество законодательных новаций на практике проверить не удалось, поскольку в этой части Уголовное уложение 1903 г. не вступило в действие и вплоть до Октябрьской революции 1917 г. продолжали действовать положения Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Между тем смена общественного строя и слом старого государственного механизма не лишили актуальности государственное противодействие анализируемым нами видам преступных деяний. В период 1917–1920 гг. уже в первых декретах и постановлениях Советской власти были заложены основные представления и принципы ответственности за злоупотребление полномочиями по службе, получившие дальнейшее развитие в советских уголовных кодексах.

Нарком юстиции Д. И. Курский, очень точно тогда охарактеризовал общую направленность уголовной политики первых лет советской власти в рассматриваемой области: «Национализация промышленности и торговли превратила всех частных служащих и рабочих в должностных лиц. Современный строй не знает или почти не знает более частной службы. Все торговые приказчики и фабричные рабочие – являются ныне экономическими чиновниками, внесенными в штаты соответствующих учреждений и получающим жалованье по определенным тарифным сеткам. Вследствие этого группа должностных преступлений должна чрезвычайно вырасти количественно, получить большее уголовно-политическое значение и видоизменить свое содержание сравнительно со старым правом» [14, с. 12; 15, с. 262]. «Советское государство выполняет не только функции управления государством, администрирования, но также и функции хозяйствования. Оно является не только носителем политической диктатуры пролетариата, но одновременно и носителем экономической диктатуры... Эти сферы деятельности настолько тесно переплетаются одна с другой, что отделить их друг от друга невозможно, как невозможно отделить и провести четкую демаркационную линию между должностным лицом, являющимся активным субъектом публично-правового отношения, и должностным лицом, являющимся активным субъектом частноправового отношения» [16, с. 3].

Справедливости ради необходимо обозначить, что далеко не всеми отечественными правоведомы разделялась подобная точка зрения. Так, например, В. Д. Меньягин утверждал, что одного факта того, что лицо занимает должность в госучреждении, общественной организации или на производстве еще недостаточно для того, чтобы причислить данного работника к числу должностных лиц, абсолютно необходимо учитывать, какими функциями оно наделено [17, с. 239]. И. Г. Филановский считал, что понятия «должностное лицо» и «субъект должностного преступления» не идентичны, поскольку они, в отдельных случаях, могут не совпадать [18, с. 9]. А. Н. Трайнин полагал, что весьма сомнительно отнесение булочников или парикмахеров к категории должностных лиц только лишь потому, что «та или иная общественная организация является носителем пуб-

лично-правовых функций и в те моменты, когда она эти функции конкретно исполняет, ее органы являются должностными лицами» [19, с. 219].

С начала 1930-х гг., после ликвидации нэпа, полемика по этому вопросу стала беспредметной: в 1927 г. закрылись частные кредитные организации, в 1932 г. – частным лицам было запрещено открывать магазины и лавки. Отныне все институты политической и экономической системы общества составляли единый государственный аппарат. Не признавались должностными лицами лишь церковнослужители, поскольку в рамках государственной идеологии атеизма причислить религиозные организации к объектам, осуществляющим выполнение общегосударственной миссии, не представлялось возможным.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. наглядно отразил тотальное огосударствление экономики страны и ее институтов посредством учреждений, организаций и предприятий. Отныне, должностными лицами (в соответствии с Примечанием к ст. 170 УК) являлись служащие во всех органах власти и на всех предприятиях

В условиях монолитного советского общества, когда каждый легально функционирующий институт экономической системы рассматривался как орган управления народным хозяйством, а все социальные образования (профессиональные союзы, общественные организации и пр.) – как звенья государственного аппарата, признание их управленцев должностными лицами в полной мере соответствовало специфике социалистической экономической и политической системы. Однако, с началом формирования в стране частного сектора экономики и становления многопартийной политической системы обнаружилась ущербность сложившейся ранее системы должностных преступлений, так как новый класс управленцев остался фактически вне поля уголовно-правового воздействия и Россия вошла в рыночную экономику, основанную на частной собственности, не имея практически никаких средств противодействия коррупции в частном секторе.

Сложившееся положение вещей закономерно подтолкнуло законодателя к переосмыслению вопросов регламентации ответственности за «служебные преступления», в результате чего в действующем УК 1996 г. была реализована идея о различной правовой регламентации публичной и частной службы, вследствие чего лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях, были выведены за пределы действия норм о должностных преступлениях.

Обращаясь к проблеме определения понятия «служебные преступления» отметим, что действующее уголовное законодательство не содержит терминов служебное преступление и должностное преступление, что и порождает определенную сложность

при квалификации деяний, предусмотренных гл. 23 и 30 УК РФ. А. Я. Аснис писал по этому поводу: «Понятие, обозначаемое словосочетанием «служебное преступление» является, во-первых, новым, во-вторых, отсутствующим в уголовном законе, в-третьих, доктринальным, в-четвертых, основанном, прежде всего на статусе субъекта преступления, в-пятых, собирательным и, в-шестых, недостаточно изученным и, соответственно, еще точно не определенным в науке отечественного уголовного права» [20, с. 6].

Весьма примечательно, что процесс формирования рассматриваемого понятия осуществлялся в период серьезной трансформации социально-экономической обстановки в стране. Становление рыночной экономики обусловило уравнивание различных форм собственности и возникновение на этой основе коммерческих и иных организаций, которые существенно отличались от функционировавших ранее, что не могло не привести к образованию новой категории лиц, выполнявших служебные обязанности в этих учреждениях и уже не вполне укладывавшихся в рамки понятия «должностные лица».

Что касается уголовно-правовой составляющей рассматриваемой дефиниции, то необходимо подчеркнуть, что в отличие от УК РСФСР 1960 г., содержащего в себе одну главу («Должностные преступления»), УК РФ 1996 г. разграничивает деяния, содержащие в себе признаки преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30) и деяния, совершаемые против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23). Такой подход предопределил и различие в субъектном составе рассматриваемых групп преступлений: в дополнение к должностным лицам была выделена категория лиц, выполняющих управленческие функции либо другие служебные обязанности в коммерческих или иных организациях. Примечательно, что и в том, и в другом случае, речь идет о ненадлежащем исполнении обязанностей по службе и должности, однако обязанности эти имеют разное происхождение. Применительно к частному сектору обязанности эти вытекают из договоров и имеют частноправовую природу, возникают в рамках частноправовых отношений, тогда как обязанности, связанные с публичной службой вытекают из публично-правовых норм и возникают в рамках публично-правовых отношений.

В отличие от должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, обязанностью которых является добросовестное служение обществу, менеджеры в частном секторе должны усердно служить частным лицам и их организациям, доверившим им управление своим имуществом. Обязанность посвящать себя общественному служению присуща им не в большей мере, чем любому другому гражданину, ни-

каких должностей не занимающему. Таким образом, объем обязанностей у менеджера в частном секторе существенно отличается от объема обязанностей должностного лица, что необходимо учитывать при разработке уголовной политики в данной сфере.

Однако наряду с этим представляется очевидным и тот факт, что полное невмешательство государства в деятельность коммерческих и иных организаций может стимулировать произвол деятельности хозяйствующих субъектов, последствия которого станут тяжелейшими – от полной дезорганизации экономической системы, до создания монопольно действующих хозяйствующих субъектов и лишения предпринимательской деятельности своего главного признака – свободы конкуренции.

Интерес обеспечения законного управления деятельностью коммерческих и иных организаций, безусловно, является интересом публичным – он имеет своим функциональным предназначением обеспечить верховенство закона при осуществлении экономической деятельности в правовом государстве. С другой стороны, публичному интересу может противостоять интерес частный – в первую очередь интерес получения прибыли в результате экономической деятельности любыми способами и средствами.

Утвердившаяся в настоящее время экономическая модель основывается на обязанности каждого служащего коммерческих и иных организаций выполнять свои функциональные обязанности во благо законных интересов этой организации. При этом, форму материального поощрения служащих законодатель оставил на усмотрение руководства данными организациями. Как следствие, в отличие от государственных и муниципальных структур служащие коммерческих и иных организаций могут преследовать личный материальный интерес в деятельности своей организации, проявляющийся в виде получения процента от прибыли по акциям и облигациям, права совладения имуществом организации и т.д. К сожалению, далеко не всегда и не всем под силу соблюсти баланс между личными интересами, интересами организации и интересами государства, особенно учитывая пропагандируемую на протяжении последних трех десятков лет либеральную идеологию, утверждающую приоритет личных интересов. Нельзя не согласиться с мнением о том, что «рыночной экономике имманентно присуща коррупция, поскольку происходит смещение от идеологии государственного обслуживания к идеологии максимизации частного интереса» [21, с. 95].

Таким образом, при осуществлении управления в области предпринимательской и иной экономической деятельности существует своеобразный «баланс интересов»: с одной стороны, это публичный интерес обеспечения законного управления деятельностью

коммерческих и иных организаций, а с другой – частный интерес получения выгод от деятельности таких организаций.

Может ли лицо, выполняющее управленческие или иные служебные функции в коммерческих и иных организациях и стремящееся к получению различного рода выгод, нарушить публичный интерес законного осуществления управления в коммерческой или иной организации? Да, конечно, может. Но общепризнана юридическая формула о том, что лицо имеет право на осуществление своего права до тех пор, пока не нарушает права другого лица. Поэтому во избежание такого рода злоупотреблений со стороны управленцев коммерческих и иных организаций невмешательство государства в их деятельность не является в настоящее время абсолютной истиной.

С другой стороны, нельзя согласиться и с мнением о том, что право государственного вмешательства в деятельность коммерческой и некоммерческой организации является произвольным. В этом случае под сомнение ставится само существование охраняемых законом частных интересов деятельности таких организаций.

Таким образом, предпринятый ретроспективный анализ формирования института ответственности за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях позволяет констатировать, что появление в отечественном уголовном законодательстве рассматриваемой категории обусловлено в первую очередь уровнем социально-экономического развития общества. Необходимость в уголовно-правовой защите отношений в сфере деятельности коммерческих и иных организаций возникает там и тогда, где и когда развитие экономической деятельности и связанный с этим процесс усложнения форм ее осуществления приводит к созданию организаций, влияние которых на жизнедеятельность общества оказывается не меньшим, чем

воздействие органов общественного и государственного управления.

Свобода осуществления коммерческой деятельности, пропитанная гражданским правовым регулированием, в известной степени культивируется на принципе «разрешено все, что не запрещено законом». Исходя из такой свободы субъекты, занятые в сфере коммерческой деятельности, чаще подвержены рискам противоправного поведения, мотив которого основан на примате интересов собственника над социальной ответственностью.

В силу ряда объективных и субъективных причин экономически и социально сложноорганизованное общество сложилось в России только ко второй половине XIX в., поэтому необходимость криминализации посягательств на порядок управления в коммерческих и иных организациях была осознана несколько позже других экономически развитых стран. Однако даже за столь не продолжительное время был накоплен определенный теоретический и практический опыт, имеющий значение для дальнейшего развития правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Осмысление на протяжении полутора веков вопросов регламентации ответственности за «служебные преступления» привело к осознанию недопустимости отождествления службы в публичной сфере и службы, осуществляемой в частной сфере. Злоупотребления в сфере публичной и не публичной власти, несмотря на внешнее сходство и обоюдно высокую степень общественной опасности, имеют различную правовую природу, что необходимо учитывать в государственной политике противодействия рассматриваемым явлениям.

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что появление в уголовном законодательстве России системы преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях имеет историческую и социальную обусловленность.

Пристатейный библиографический список

1. Аносов И. И. Злоупотребление доверием // Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел юридический. Вып. 46. М. : Унив. тип., 1916.
2. Статистика по государственной регистрации ЮЛ и ИП в целом по Российской Федерации // ФНС России : сайт. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (дата обращения: 20.05.2020).
3. Бизнес вырабатывает антитела к коронакризису // Эксперт : сайт. URL: <https://expert.ru/2020/06/11/statistika-demonstriruet-optimizm/> (дата обращения: 20.05.2020).
4. Барышников М. Н. История делового мира России. М. : Аспект Пресс, 1994.
5. Тимошина Т. М. Экономическая история России. М. : Филинь, 1998.
6. Минькова А. М. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.

7. Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права : в 4 т. Т. 2 : Преступления и проступки против собственности. СПб. : Тип. В. П. Воленса, 1876.
8. Трегубов С. Н. Лекции по особенной части русского уголовного права. Кн. 2. СПб. : Императорское училище правоведения, 1913.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (издание 1885 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (дата обращения: 20.05.2020).
10. Уголовное уложение 1903 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 20.05.2020).
11. Уголовное уложение. Объяснения к проекту редакционной комиссии. Т. VII. СПб. : Гос. тип., 1897.
12. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. 3-е изд. М. : Тип. В. М. Саблина, 1912.
13. Проступки и преступления по службе государственной и общественной / сост. А. В. Кенигсон. Ташкент, 1913.
14. Курский Д. И. К вопросу об издании Уголовного кодекса // Материалы Народного комиссариата юстиции. 1921. № 3.
15. Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. М. : Юриздат, 1948.
16. Гюнтер А. Р. Должностные преступления. Харьков : Юриздат, 1928.
17. Меньшагин В. Д. Уголовное право. Учебник для юридических школ. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1947.
18. Филановский И. Г. Борьба с злоупотреблениями по должности по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1953.
19. Трайнин А. Н. Уголовное право. Часть особенная. Должностные и хозяйственные преступления. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938.
20. Аснис А. Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. Проблемы законодательного закрепления и правоприменения. М. : ЮрИнфоР-Пресс, 2005.
21. Федоров А. Ю. Рейдерство и коррупция в органах судебной власти в России // Право и образование. 2010. № 7.

References

1. Anosov I. I. Abuse of Trust. In Scientific Notes of the Imperial Moscow University. Legal Department. Issue 46. Moscow: University Printing House, 1916.
2. Statistics on State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in General in the Russian Federation. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (date of the application: 20.05.2020).
3. Business Develops Antibodies to Coronacrisis. URL: <https://expert.ru/2020/06/11/statistika-demonstriruet-optimizm/> (date of the application: 20.05.2020).
4. Baryshnikov M. N. History of the Russian Business World. Moscow: Aspekt Press, 1994.
5. Timoshina T. M. Economic History of Russia. Moscow: Filin, 1998.
6. Minkova A. M. Criminal Liability for Abuse of Power in Commercial and Other Organizations: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Rostov-on-Don, 2002.
7. Nekliudov N. A. Guide to a Special Part of Russian Criminal Law. In 4 vols. Vol. 2: Crimes and Misconduct against Property. St. Petersburg: V. P. Volens' Printing House, 1876.
8. Tregubov S. N. Lectures on the Special Part of Russian Criminal Law. Book 2. St. Petersburg: Imperial School of Jurisprudence, 1913.
9. Code of Criminal and Correctional Punishments 1845 (edition 1885). URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (date of the application: 20.05.2020).
10. Criminal Code of 1903. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (date of the application: 20.05.2020).
11. Criminal Code. Explanations to the Draft of the Editorial Commission. Vol. VII. St. Petersburg: State Printing House, 1897.
12. Poznyshhev S. V. A Special Part of Russian Criminal Law. Comparative Sketch of the Most Important Departments of the Special Part of the Old and New Code. 3rd ed. Moscow: V. M. Sablin's Printing House, 1912.
13. Kenigson A. B. (comp.). Misdemeanors and Crimes in the Service of the State and Public. Tashkent, 1913.
14. Kurskii D. I. On the Publication of the Criminal Code. *Materials of the People's Commissariat of Justice*. 1921. No. 3.

15. *Utevskii B. S.* General Doctrine of Malfeasance. Moscow: Iurizdat, 1948.
16. *Gunther A. R.* Official Crimes. Kharkov: Iurizdat, 1928.
17. *Menshagin V. D.* Criminal Law: Textbook. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1947.
18. *Filanovskii I. G.* Fight Against Abuse of Office Under Soviet Criminal Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Leningrad, 1953.
19. *Trainin A. N.* Criminal Law. The Part Is Special. Official and Economic Crimes. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1938.
20. *Asnis A. Ia.* Criminal Liability for Service Crimes in Russia. Problems of Legislative Consolidation and Law Enforcement. Moscow: IurInfoR-Press, 2005.
21. *Fedorov A. Iu.* Raiding and Corruption in the Judiciary in Russia. *Law and Education*. 2010. No. 7.